МИГРАЦИОННАЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-2.10
УДК 308, 314
JEL J11, J13, J18

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Долгосрочная трансформация модели рождаемости в России и демографическая политика в 2006–2024 гг.[1, 2]

Сергей В. ЗАХАРОВ ✉
Институт демографии им. А.Г. Вишневского, НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Захаров, С. В. (2026). Долгосрочная трансформация модели рождаемости в России и демографическая политика в 2006–2024 гг. *AlterEconomics, 23*(2), 429–447. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-2.10

Аннотация. В статье представлены результаты анализа итоговых и структурных характеристик рождаемости для условных и реальных поколений в России в контексте демографической политики, проводимой после 2006 года. Цель исследования — оценить значимость изменений в российской модели рождаемости, произошедших за последние десятилетия, как в отношении общего уровня рождаемости, так и возрастного профиля матерей и числа рожденных ими детей. Использованы данные Росстата. Применена методология построения специальных таблиц рождаемости, аналогичных таблицам дожития (смертности), с учетом вероятностей рождения у женщины очередного ребенка (вероятностей увеличения семьи) отдельно для календарных лет (для условных поколений) и для когорт женщин по году рождения (для реальных поколений). Автором предлагаются также новые оценки результативности политики по повышению рождаемости за период 2006–2024 годов, основанные на методах стандартизации показателей рождаемости для женских поколений, пребывающих в фазе активного деторождения. Показано, что: (1) рождаемость российских поколений продолжала эволюционировать в русле закономерностей Второго демографического перехода как в отношении уровня, так и в отношении возрастного профиля матерей и их распределения по числу рожденных детей, что сближает параметры российской модели с моделями других развитых стран; (2) уровень рождаемости в России, несмотря на флуктуации показателей для условных поколений в 2007–2024 годы, в том числе обусловленные пронаталистской политикой, не претерпел принципиальных изменений долгосрочного тренда; (3) значительно увеличилась неоднородность распределений женщин по возрасту материнства и по числу рожденных детей; (4) эффект демографической политики выразился в приросте 0,1 рождений в расчете на одну женщину для когорт 1980-х годов рождения, что составляет 6–7 % от общего числа рождений, зарегистрированных в России в 2007–2024 годы. Дальнейшее развитие долговременных тенденций режима воспроизводства и воздействия на него социально-демографической политики логично продолжать с опорой на мониторинг характеристик рождаемости реальных поколений, более свободных от конъюнктурных подвижек в календаре наступления демографических событий.

Ключевые слова: рождаемость, возраст матерей, число рожденных детей, показатели рождаемости для условных и реальных поколений, демографическая политика в России

Благодарность: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (ФИ-2025-47).

[1] © Захаров С. В. Текст. 2026.

[2] Данная статья подготовлена на основе доклада на XVII Уральском демографическом форуме *«Основные тренды в демографических событиях: проблемы и решения»*, г. Екатеринбург, 3–5 июня 2026 г.

RESEARCH ARTICLE

The Long-Term Transformation of Russia's Fertility Pattern and Demographic Policy in 2006–2024

Sergei V. ZAKHAROV ✉
Vishnevsky Institute of Demography, HSE University, Moscow, Russian Federation

For citation: Zakharov, S. V. (2026). The Long-Term Transformation of Russia's Fertility Pattern and Demographic Policy in 2006–2024. *AlterEconomics, 23*(2), 429–447.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-2.10

Abstract. This article examines changes in the quantum and structural characteristics of period and cohort fertility in Russia in the context of pro-natalist demographic policy pursued since 2006. The study assesses the significance of recent decades' shifts for total fertility, the age profile of mothers, and their distribution by number of children born. The analysis draws on Rosstat data and applies increment-decrement age- and birth-order-specific period and cohort fertility tables. The author also proposes methods for quantifying the effects of demographic policy over 2006–2024. The findings show that: (1) Russian generational fertility has continued to evolve in line with patterns of the Second Demographic Transition in quantum, maternal age profile, and parity distribution, bringing Russia closer to other developed countries; (2) despite fluctuations in 2007–2024, including those attributable to pro-natalist policy, the long-term fertility trend has not undergone fundamental change; (3) heterogeneity in the distribution of women by age at childbearing and by number of children born has increased significantly; (4) the estimated policy effect amounts to approximately 0.1 births per woman for 1980s cohorts, representing around 6–7 % of total births registered in Russia over 2007–2024. It is recommended that further investigation of long-term reproductive trends and the impact of socio-demographic policy should be pursued through cohort-based monitoring, as cohort indicators are less sensitive to tempo distortions in the timing of demographic events.

Keywords: fertility, age at childbearing, number of children born, period and cohort fertility, demographic policy in Russia

Acknowledgments: This research was implemented as part of the Basic Research Program at HSE University (FI-2025-47).

1. Введение

В 2007–2015 гг. коэффициент суммарной рождаемости для условных поколений (КСР) пережил в России девятилетний период заметного роста (с 1,30 рождений на одну женщину в 2006 г. до 1,76 в 2015 г.), за которым последовал девятилетний период падения. Согласно официально опубликованным данным Росстата, КСР достиг 1,41 в 2023 г., 1,40 в 2024 г. и 1,36 в 2025 г.[1] (рис. 1).

Итак, КСР вернулся к исходному уровню, наблюдавшемуся до начала пронаталистской политики, объявленной в 2006 г. Ее полный цикл завершился вполне ожидаемым результатом, следуя траектории пессимистического сценария[2], хотя финансовые и идеологические стимулы с целью повышения целевого индикатора усиливались. По приблизительным оценкам доля государственных затрат консолидированного бюджета на семейную и демографическую политику за двадцать лет повысилась в три раза, и, видимо, превысила 2,5 % от ВВП. Среди российских специ-

[1] См: ИМИСС Росстата. [Электронный ресурс]. https://fedstat.ru/indicator/62852 (дата обращения: 20.05.2026). К сожалению, доступные официальные итоговые данные за 2024 и 2025 гг. отрывочны, они не позволяет, в частности, проследить изменения рождаемости по всем возрастным группам женщин и в разрезе всех очередностей рождения.

[2] См., например, прогноз Института демографии НИУ ВШЭ, подготовленного для Миниэкономразвития от базы 2012 г. (Вишневский, 2014, с. 383, 386).

алистов оптимистический взгляд на демографическую результативность политики, особенно характерный для периода подъема КСР (Архангельский и др., 2015; Слонимчик, Юрко, 2016), сменился на более осторожный, если не сказать пессимистический (Biryukova & Sinyavskaya, 2021; Архангельский, 2024; Zakharov, 2024). Это вполне соответствует обоснованному скептицизму долгосрочной значимости политики финансовых мер стимулирования рождаемости для изменений уровня итоговой рождаемости реальных поколений в развитых странах (см. обобщающие международные обзоры: (Balbo et al., 2013; Zeman et al., 2018; Bergsvik et al., 2021)).

Два десятилетия пронаталистской активности государства соответствуют длительности периода активной репродуктивной деятельности поколения (для женщин условно от 20 до 40 лет). Следовательно, можно рассмотреть не только конечные эффекты демографической политики (Захаров, 2006; Андреев, 2016), но и структурные изменения модели рождаемости в разрезе возрастного профиля матерей и распределения по числу рожденных детей. В нашем анализе мы используем методологию специальных мультистатусных таблиц рождаемости (Golbeck, 1986; Rallu & Toulemon, 1993; Schoen, 2006) для условных и реальных поколений[1].

В России имеется многолетний опыт применения данной методологии (см.: (Zakharov, 2024)), ставшей «золотым стандартом» для анализа макроданных о рождаемости. В последние годы к ней обращаются всё активнее (Churilova et al., 2024; Андреев и др., 2025). Надежные исходные и расчетные статистические данные для этого предоставляют международная база «Human Fertility Database/HFD» (www.humanfertility.org) и «База показателей рождаемости россиянок/RFD» (НИУ ВШЭ, https://demogr.hse.ru/RFD), в которых содержатся гармонизированные данные Росстата за максимально длительный период. Далее, если указан источник *«данные Росстата»*, имеются в виду именно эти базы.

2. Тенденции уровня рождаемости в условных и реальных поколениях

Несмотря на беспрецедентные усилия государства, рост рождаемости, во-первых, оказался краткосрочным и, во-вторых, недостаточным для перелома исторической тенденции к снижению, на что указывают оценки итоговой рождаемости для условных (КСР) и реальных поколений (ИРП) (рис. 1).

Тренд снижения подтверждается сравнением ИРП поколений «матерей» и их «дочерей». Однако разрыв в значениях ИРП поколений «матерей» и их «дочерей» существенно сократился (рис. 2).

Когорты 1960-х г.р. и позднее с очень близкими количественными значениями повторяют опыт своих «матерей». Межпоколенческие различия приближаются к точности самого оценивания. *И всё же понижающий тренд в динамике рождаемости реальных поколений пока сохраняется*, положительные сдвиги, наметившиеся в поколениях 1980-х г.р., со всей очевидностью не закрепились. Когорты первой половины 1990-х г.р. завершат деторождение с показателями 1,6 и менее рождений. К сходным результатам пришел и П.А. Кишенин, применивший байесовский

[1] Алгоритм расчетов таблиц рождаемости с учетом очередности рождения см: Jasilioniene, A., Jdanov, D. A., Sobotka, T., Andreev, E. M., Zeman, K., Shkolnikov, V. M., ... & Rodriguez, G. (2015). *Methods protocol for the human fertility database*. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. [Электронный ресурс]. https://www.humanfertility.org/File/GetDocumentFree/Docs/methods.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

Рис. 1. *КСР в 1960–2024 гг. и ИРП для женщин 1930–1995 г. р. (фактическая для когорт 1930–1980 гг. и ожидаемая, исходя из наблюдаемых тенденций, для более молодых когорт), рождений на женщину к возрасту 50 лет (источник: расчеты автора на основе данных Росстата)*

Fig. 1. *Total Fertility Rate in 1960–2024 and Cohort Fertility Rate for Women Born 1930–1995 (Observed for Cohorts 1930–1980 and Projected Based on Observed Trends for Younger Cohorts), Births per Woman by Age 50*

Примечание: пунктирные линии — линейные тренды с указанием границ вариации значений ИРП для поколений 1944–1960 г.р. и 1965–1995 г.р.

Рис. 2. *Фактическая ИРП женщин 1945–1970 г. р. (когорты «матерей»); фактическая и ожидаемая ИРП женщин 1970–1995 г.р. (когорты «дочерей»), рождений на женщину к возрасту 50 лет (источник: расчеты автора на основе данных Росстата)*

Fig. 2. *Actual Cohort Fertility Rate of Women Born in 1945–1970 (The "Mothers" Cohorts); Actual and Projected Cohort Fertility Rate of Women Born in 1970–1995 (The "Daughters" Cohorts), Births per Woman by Age 50*

подход к прогнозированию (Кишенин, 2023). Учитывая высокую надежность вышеприведенных оценок ИРП, не зависящих от календарных сдвигов в появлении на свет детей в рамках периода репродуктивной активности поколений, нам представляется маловероятной задача достигнуть КСР 1,8 к 2036 г.[1] и даже прогноз КСР на 2040 г. в 1,68 (Архангельский, 2024) выглядит оптимистично[2]. Среди профессионального сообщества усиливается скептическое отношение к фактическим и ожидаемым демографическим результатам российской политики по стимулированию рождаемости (Biryukova & Sinyavskaya, 2021; Validova, 2021; Кишенин, 2023; Колбина, 2023).

Важно отметить, что когорты 1981–1989 г.р., продемонстрировавшие, в сравнении с когортами 1971–1979 г.р., прирост в среднем 0,1 рождений к возрасту 50 лет (максимальный — 0,17 для когорт 1982–1984 г.р. по сравнению с 1971–1973 г.р.), появились на свет в годы активизации семейной политики в СССР в 1980-х гг., в результате которой ИРП россиянок 1950-х г.р. также приподнялась на 0,07–0,09 рождений (Захаров, 2006; Андреев, 2016). Между этими волнами, судя по всему, имеется причинно-следственная связь — дети, выросшие с одним-двумя братьями и сестрами, более положительно настроены на то, чтобы и в их собственных семьях было несколько детей, и чаще их имеют (Bernardi, 2016), российские данные панельных выборочных исследований это подтверждают (Гришина, 2008). Правда, в отношении тех, кто вырос в действительно многодетных, часто малообеспеченных семьях, данная закономерность не столь очевидна (Гришина, 2008).

3. Изменения в возрастном профиле рождаемости условных и реальных поколений

Выше было показано, что итоговые показатели уровня рождаемости продемонстрировали высокую волатильность для условных поколений (календарных лет). Напротив, меньшие колебания с тенденцией к стабилизации наблюдались для реальных поколений (к сходному выводу приходит и В.Н. Архангельский (2019)). Сравнивая не только итоговые показатели уровня, но и изменения в возрастных профилях рождаемости для условных и реальных поколений, мы находим более сложную картину сходств и различий.

За последние два десятилетия материнство в России существенно постарело (рис. 3, рис. 4). Максимум интенсивности деторождения переместился из возрастной группы 20–24 года в группу 25–29 лет. Очевидно, что таков не сиюминутный, а долгосрочный массовый выбор основных социальных слоев россиян, который вполне соответствует мэйнстриму во всех развитых странах (Frejka, 2012; Frejka & Gietel-Basten, 2016). Трудно представить возможность обратного процесса — омоложения профиля, за которым должна скрываться некая особая рационализация индивидуального репродуктивного поведения, противоречащая общей направленности модернизации стратегий и поведенческих практик молодежи во всех прочих сферах жизнедеятельности: образовательной, карьерно-трудовой, семейно-воспитательной, миграционной (об отсутствии демографических обоснований для «омоложения» рождаемости см.: (Андреев и др., 2025)). Заметим, что молодой профиль деторождения может успешно сочетаться со сверхнизкой рождаемостью

[1] Указ Президента России от 7 мая 2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». [Электронный ресурс]. http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 20.03.2026).

[2] Тем более сильно завышен прогноз величины КСР 1,76 к 2030 г. (Козлова, Архангельский, 2021).

(см. возрастную кривую для 1999 г., когда КСР достиг исторического минимума для России — 1,16 (рис. 3), или для когорты матерей 1970-х гг. также с минимальной в истории величиной ИРП — 1,59 (рис. 4)).

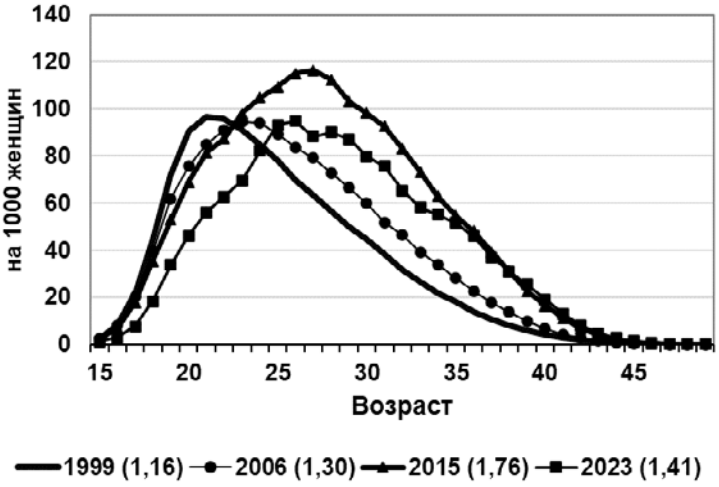

Рис. 3. *Возрастные коэффициенты рождаемости для календарных лет: 1999, 2005, 2015, 2023 гг., рождений на 1000 указанного возраста (источник: расчеты автора на основе данных Росстата)*
Fig. 3. *Age-Specific Fertility Rates for Calendar Years: 1999, 2005, 2015, 2023, Births per 1,000 Women of the Given Age*

Примечание: в скобках указаны значения КСР для указанных лет.

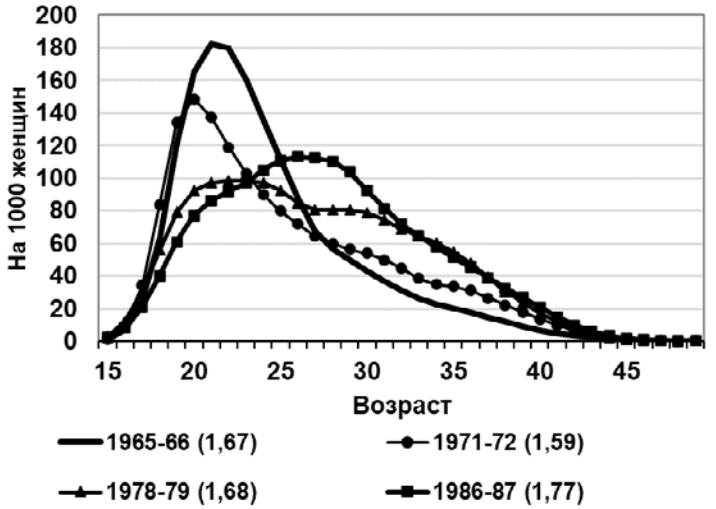

Рис. 4. *Возрастные коэффициенты рождаемости для реальных поколений (фактические и ожидаемые): женщины 1965–1966, 1971–1972, 1978–1979 и 1986–1987 г.р., на 1000 указанного возраста (источник: расчеты автора на основе данных Росстата)*
Fig. 4. *Age-Specific Fertility Rates for Real Cohorts (Observed and Projected): Women Born 1965–1966, 1971–1972, 1978–1979, and 1986–1987, per 1,000 Women of the Given Age*

Примечание: в скобках указаны значения ИРП для указанных поколений.

Политика стимулирования рождаемости сыграла ограниченную роль в фундаментальном сдвиге функции рождаемости к более старшим возрастам. В то же время она отозвалась нарушением монотонности возрастной кривой рождаемости для поколений, застигнутых инновационными мерами (введенными в 2007 г. и позднее) в середине своей репродуктивной карьеры, например, когорты 1978–1979 г.р., которые приближались к своему тридцатилетию (рис. 4). Для женских когорт 1971–1972 г.р., перешагнувших 35-летний юбилей в момент введения материнского капитала и прочих мер, нарушения монотонности едва угадываются. Поколения второй половины 1980-х г.р., сегодня преодолевающие сорокалетний возрастной барьер, прожили свою репродуктивную жизнь от начала до конца под знаком пронаталистской политики. Соответственно, они становятся опытной группой для изучения результатов политики. Для когорт 1986–1987 г.р. нарушения монотонности функции не наблюдаются, но их возрастной профиль разительно отличается от профилей для поколений 1960-х и 1970-х г.р.

Чем же еще, кроме возрастов максимальной активности деторождения, отличаются профили рождаемости поколений нынешних матерей от своих предшественниц? Принципиальное отличие состоит и в том, что дисперсия распределения возрастов женщин при рождении детей сегодня намного больше, чем прежде. Статистические параметры возрастного распределения принципиально различны: для поколений 1960-х и 1970-х г.р. характерен высокий эксцесс и четко выраженная мода, а для распределения 1980-х г.р. оно распластано с невыраженной модой. Столь разительная перемена свидетельствует, что рождение ребенка происходит теперь с сопоставимой вероятностью в более широком диапазоне возрастов, чем прежде. Это очевидное свидетельство возрастания социально-экономического и брачно-семейного разнообразия условий появления ребенка на свет, т. к. матери в возрастах 20, 25, 30 и 35 лет находятся на различных этапах жизненного пути. Вариативность жизненных путей, брачно-семейных, репродуктивных стратегий принципиальным образом расширилась, что ставит сложные задачи перед таргетированной семейной политикой, которая не может с одними и теми же подходами адресоваться к людям в различных возрастах, с разным жизненным опытом и находящимся в разнообразных личных ситуациях.

4. Изменения в итоговых распределениях по числу рожденных детей для условных и реальных поколений

На основе расчета специальных таблиц рождаемости с учетом очередности рождения можно оценить ожидаемое итоговое (к возрасту 50 лет) распределение женщин по числу рожденных детей для условных поколений (для календарных лет). Результаты наших оценок для периода 1979–2023 гг. представлены на рисунке 5. *Ожидаемое* распределение следует интерпретировать как распределение, которое следует ожидать при условии неизменности вероятностей рождения детей каждой очередности, зафиксированных для указанного календарного года. Распределения по числу рожденных детей представлены как для всех женщин (левая панель рис. 5), так и для женщин, родивших не менее одного живого ребенка (т. е. матерей, правая панель рис. 5).

Аналогичным образом были построены таблицы рождаемости для реальных поколений женщин 1955–1995 г.р. Для поколений до 1980 г.р., завершивших свою репродуктивную карьеру, представлены окончательные (фактические) распределения

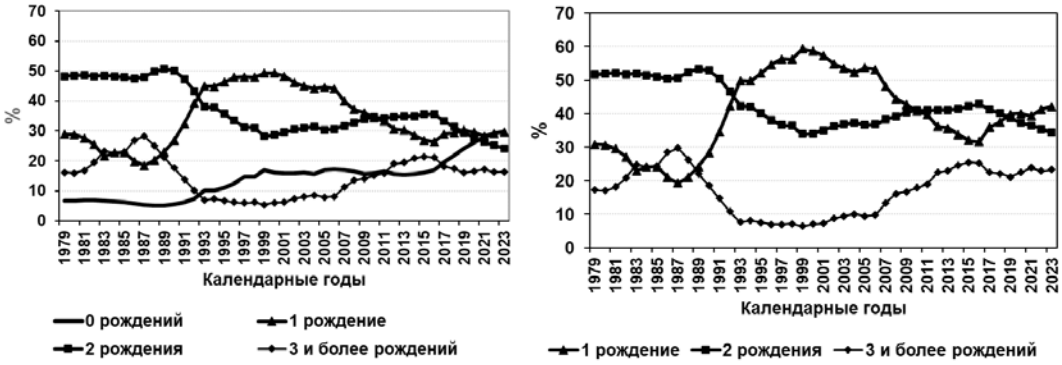

Рис. 5. *Ожидаемое распределение по числу рождений к возрасту 50 лет: всех женщин — левая панель, матерей (родивших хотя бы одного ребенка) — правая панель, таблицы рождаемости для условных поколений, 1979–2023, в % (источник: расчеты автора на основе данных Росстата)*

Fig. 5. *Expected Distribution by Number of Births by Age 50: All Women (Left Panel), Mothers (Right Panel), Period Life Tables 1979–2023, %*

по числу рожденных детей к возрасту 50 лет[1], а для более молодых когорт представлены ожидаемые распределения, полученные на основе функций вероятностей родить очередного ребенка для возрастов 30 лет и старше усредненно за последние три календарных года (т. е. для условных поколений) (рис. 6).

Основные изменения в распределениях женщин по числу рожденных детей за период после 2006 г. и для поколений, родившихся в 1970-х — первой половине 1990-х гг.:

— достижение исторически беспрецедентной для России ситуации с очень близкими долями женщин, которые за всю жизнь не родили ни одного ребенка или родили одного, двоих, троих и более детей (пропорции каждого состояния в пределах 20–30 %). Для реальных поколений выравнивание долей особенно заметно, как и лишение двухдетности доминантного положения, что происходит и в других странах (Frejka, 2008);

— после 2015 г. наблюдается стабилизация ожидаемой доли женщин, родивших одного, троих и более детей на фоне стремительного падения двухдетных и быстрого увеличения окончательно бездетных;

— доля женщин, родивших за свою жизнь трех и более детей, повысилась, выйдя на уровень, наблюдавшийся в 1970-х гг. (в поколениях 1950-х г.р.). Дальнейшая перспектива роста этой доли не очевидна ввиду стабилизации показателя для условных поколений (для календарных лет);

— доля ни разу не рожавших женщин увеличивается, начиная с поколений, родившихся в 1960-х гг. Ожидаемая доля окончательно бездетных для условных поколений в 2023 г. приблизилась к 30 % отметке, для реальных поколений 1990-х г.р. она с высокими шансами превысит 20 %. Перенос в 2019 г. выплаты материнского капитала со второго на первого ребенка не повысил вероятность появления первенцев.

[1] Когорта 1980 г. р. в 2023 г. пребывала в возрасте 43 года. С формальной точки зрения, она еще не достигла к моменту наблюдения 50 лет возрастного предела, условно принимаемого как верхняя граница репродуктивного периода. Однако распределения по числу рождений детей в 43-летнем возрасте ничтожно (неразличимо с точностью, приведенной на рис. 5) и отличаются от итогового числа к возрасту 50 лет.

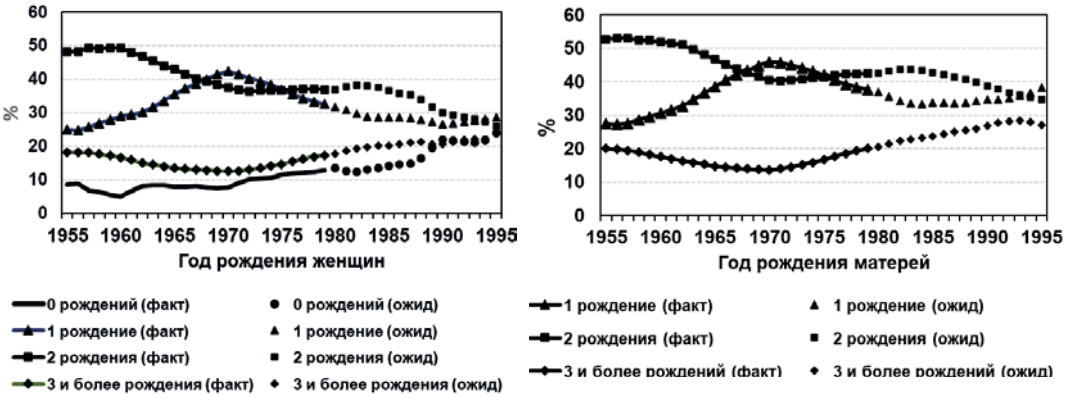

Рис. 6. *Фактическое и ожидаемое распределение по числу рождений к возрасту 50 лет: всех женщин — левая панель, матерей (родивших хотя бы одного ребенка) — правая панель, Россия, таблицы рождаемости для реальных поколений, когорты 1955–1995 г.р., в % (источник: расчеты автора на основе данных Росстата)*

Fig. 6. *Actual and Expected Distribution by Number of Births by Age 50: All Women (Left Panel), Mothers (Right Panel), Russia, Cohort Fertility Tables, Cohorts 1955–1995, %*

Итак, подтверждается вывод о принципиальном расширении разнообразия репродуктивных стратегий в России, произошедших в последние десятилетия: россияне отошли от унифицированной модели деторождения, при которой социальные нормы подталкивали к рождению детей в молодом и очень молодом возрасте (для женщин преимущественно до 30 лет со статистической модой в 19–20 лет), и в рамках которой преобладала семья с одним-двумя детьми (при доминировании двухдетной).

Современные поколения существенно расширили возрастные рамки активного деторождения и с большей свободой выбирают, становиться ли им родителями вообще, в каком типе брачно-партнерских отношений заводить детей, число детей, которое они считают предпочтительным. Российское население остается в процессе Второго демографического перехода (Van de Kaa, 2004; Hoem et al., 2009; Lesthaeghe, 2020), а модель рождаемости сближается с наблюдаемыми в других странах, несмотря на изменившиеся политические, экономические и институциональные условия формирования семей и рождаемости (подробнее см.: (Zakharov, 2024)).

5. Оценки числа дополнительных рождений за двадцатилетие политики по стимулированию рождаемости

В СМИ циркулируют различные оценки числа дополнительных рождений, состоявшихся в России благодаря демографической политике, и в первую очередь благодаря программе материнского капитала. К сожалению, методика их получения зачастую не известна или очень сомнительна. Также нам представляется совершенно ненаучным, но весьма распространенным утверждение «число детей, которое в отсутствие политики никогда бы не родилось».

С. Рыбальченко (Председатель комиссии Общественной палаты РФ по демографии, защите семьи, детей и традиционных ценностей) в октябре 2024 г. обобщал существующие оценки: «Оценки экспертов разные, но примерно все сходятся в том, что программа материнского капитала привела к дополнительному

рождению от 2,5 млн до 3 млн детей за 17 лет ее реализации (с 2007 года)»[1] (см. также: (Рыбальченко, 2023)). Заметим, что имеются и более умеренные оценки: 2–2,5 млн за период 2007–2020 гг. (Останина, 2024, с. 52). Как правило, за этими оценками скрывается сравнение суммы фактически зарегистрированных рождений за некоторый период с неким «прогнозным числом», которое «было бы, если бы не меры политики» (чаще всего речь идет о материнском капитале в его федеральном и региональных проявлениях). Если в отношении первого из сравниваемых чисел однозначность ограничена лишь некоторыми проблемами с территориальной определенностью, то второе число — весьма неопределенная величина, задающаяся субъективными представлениями прогнозиста (ответом на вопрос «если бы было / не было так»). Статистико-математические модели от простейших регрессионных, более сложных авторегрессионных и байесовских, построенных на вероятностном подходе, ограничивают волюнтаризм прогнозиста, поскольку опираются на реально наблюдаемые тренды[2], однако при приложении их к оценке результатов политики все они ущербны в главном — в неоднозначном выборе трендов рождаемости, принятых за базу сравнения в соответствии с парадигмой «если бы не было политики».

Никто не в силах полностью снять эту проблему. Однако ослабить ее влияние на результаты мы попытаемся. Полагаем, что известный демографический метод стандартизации лучше всего подходит в силу принципа однозначно интерпретируемого детерминизма, заложенного в его основе. Кроме того, мы предлагаем отказаться от концепции условного поколения — весьма распространенного подхода для оценки результатов политики (см., например: ((Тихомирова, Тихомиров, 2020)), принимая во внимание всю условность конструкта гипотетических поколений.

Напомним, что в России не было еще ни одного реального поколения, которое бы завершило деторождение с результатом 1,16 рождений на одну женщину (как это «предсказывал» КСР в 1999 г.), 1,30 рождений (КСР в 2006 г.), и вообще ИРП не опускался ниже 1,59 (когорты 1971–1973 г.р.)[3]. Ежегодно фиксируемые возрастные коэффициенты рождаемости, которые после суммирования дают КСР, отражают опыт деторождения разных когорт, застигнутых на различных этапах репродуктивной биографии. Как было показано выше, в поколениях менялся возрастной профиль матерей и, соответственно, календарь рождений, причем в рассматриваемый нами период особенно интенсивно. Женщины, разделенные всего десятью годами по дате рождения, демонстрируют различные расписания жизни, а ведь их представители фактически могут быть родными сестрами (!) (рис. 4). К этому добавим, что подход с использованием показателей для условных поколений методологически ущербен не только из-за недоучета влияния изменений в возрасте материнства (Bongaarts & Feeney, 1998; Sobotka, 2003; Sobotka & Lutz, 2011; Frejka, 2012; Sobotka,

[1] ТАСС. (2024, 16 октября). *Эксперт заявил, что маткапитал способствовал рождению до 3 млн детей*. [Электронный ресурс]. https://tass.ru/obschestvo/22130751 (дата обращения: 20.03.2026).

[2] О наиболее распространенных сегодня подходах к прогнозированию рождаемости см.: ((Kishenin, 2023; Kishenin et al., 2024)).

[3] Примеры подобных несоответствий между индикаторами для условных и реальных поколений мы находим и в других странах, как экспериментировавших в области семейной политики, в частности, с целью повлиять на интервалы между рождениями детей (интергенетические интервалы), к примеру, в Швеции в 1980-х гг. (Miranda, 2020), так и под влиянием более общих социально-экономических факторов, к примеру, в США в 1970-х гг. (Schoen, 2004).

2017), но и из-за недоучета роли меняющейся величины интергенетических интервалов (Hoem, 1993; Andersson, 2004; Захаров, 2006; Архангельский и др., 2024). Кроме того, ускоренное формирование размеров семьи может не привести к увеличению ИРП, но негативно сказаться на здоровье «ускоренно рожденных» детей, что не приветствуется специалистами (Neyer & Andersson, 2008; Debiasi et al., 2024).

Интервалы между первыми и вторыми рождениями начали стремительно сокращаться в России после начала политики стимулирования рождаемости (рис. 7), что, по-видимому, серьезно подтолкнуло КСР вверх в первое десятилетие этой политики, в полной мере подтверждая его сущность как конъюнктурного показателя, отражающего гипотетическую величину итоговой рождаемости. После 2015 г. ускоряется переход от второго к третьему ребенку (рис. 7, левая панель), что завышает КСР для третьих и последующих детей.

Взаимосвязь изменения интервалов и итоговой величины ИРП заслуживает особого рассмотрения. Здесь для нас было важно подвести к идее необходимости оценивать «дополнительное число рождений» именно на основе показателей рождаемости для реальных поколений, которые свободны от влияния календарных эффектов (краткосрочных эффектов периода).

Проведем оценку дополнительного числа рождений для двух поколений: женщин 1978–1979 г.р., которые к моменту начала политики достигли 28 лет (т. е. были близки к возрастам с максимальной интенсивностью деторождения), и женщин 1986–1987 г.р., которые достигли 20 лет к тому же моменту и фактически весь свой детородный период прожили под воздействием мер политики.

В качестве референтных возьмем когорту женщин 1965 г.р., практически завершившую свою репродуктивную биографию к началу старта политики, и когорту 1972 г.р. с наименьшей итоговой рождаемостью в истории России, на репродуктивное поведение которой лишь ограниченно могли повлиять пронаталистские меры

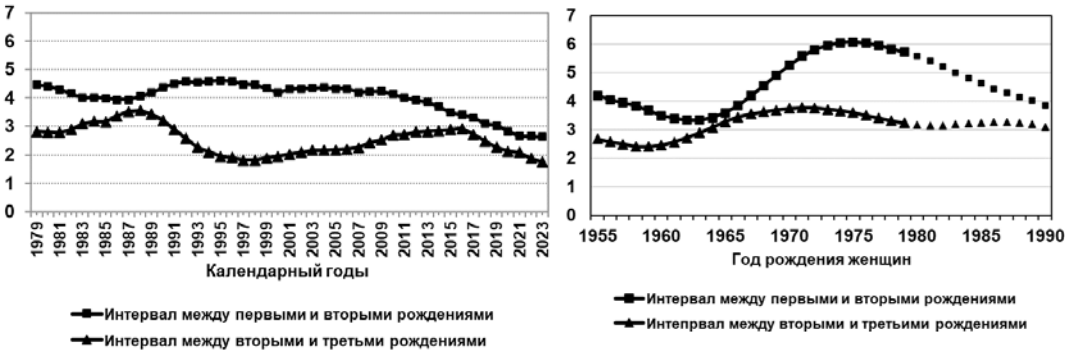

Рис. 7. *Средний интервал между первыми и вторыми рождениями, между вторыми и третьими рождениями для условных поколений матерей (для календарных лет), 1979–2023 гг. – левая панель и для реальных поколений матерей 1955–1990 г.р. — правая панель, лет (источник: расчеты автора на основе данных Росстата)*

Fig. 7. *Average Interval between First and Second Births, and Between Second and Third Births for Period Mothers (Calendar Years), 1979–2023 (Left Panel), and Cohort Mothers Born 1955–1990 (Right Panel), Years*

Примечание: оценка на основе разницы между средними возрастами матерей при рождении детей соответствующей очередности, полученных на основе расчета специальных таблиц рождаемости для условных и реальных поколений.

в силу их возраста (35 лет в 2007 г.). Учитывая цензурированность событий в анализируемых женских когортах к 2025 г. (остается еще неизвестной рождаемость старше 44 лет для когорт 1978–1979 г.р. и старше 38 лет для когорты 1986–1987 г.р.), нам пришлось сделать прогноз изменения численности данных когорт и достроить их возрастные функции рождаемости до 50 лет. Прогнозные допущения с учетом возраста женщин не в состоянии заметным образом повлиять на окончательный результат, они были выполнены лишь для того, чтобы технически завершить расчеты в соответствии с их логикой.

Далее получим ожидаемые абсолютные числа рождений при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости референтной когорты. Мы умножаем возрастные коэффициенты когорт 1965 и 1972 г.р. на меняющуюся год за годом численность когорт 1978–1979 и 1986–1987 г.р. — с момента их вхождения в репродуктивный возраст и до 50 лет. Полученные суммы ожидаемых рождений сравниваем с суммой фактических рождений для данных когорт (табл).

Кумулятивные возрастные функции фактических и ожидаемых чисел рождений для когорт 1978–1979 и 1986–1987 г.р. при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости референтных когорт с завершенной рождаемостью 1965 и 1972 г.р. показаны на рисунках 8 и 9.

Расчеты можно продолжить для всех когорт, внесших вклад в формирование общего числа рождений за период активной пронаталистской политики в России. Однако мы с уверенностью утверждаем, что пропорция «дополнительных рождений» в общем числе рождений будет находиться в указанных пределах. Для когорт старше 1978–1979 г.р. результат будет еще ниже, т. к. они по своему возрасту находились на нисходящей кривой деторождения, а для поколений моложе 1986–1987 г.р. не стоит ожидать более оптимистичного результата, поскольку мы уже знаем, что поколения 1990-х г.р. с высокой вероятностью будут иметь ито-

Таблица

Расчетное число «добавочных» рождений для женщин 1978–1979 и 1986–1987 г.р. за период 2007–2024 гг.

Table

Estimated Number of "Additional" Births for Women Born 1978–1979 and 1986–1987 over 2007–2024

Годы рождения матерей	Возраст к 2007 г.	Фактически рождено, тыс.[1]	Ожидаемое число рождений при возрастных коэффициентах:		«Добавочное» число рождений			
					Разница между фактическим и ожидаемым числом рождений, тыс.:		В % к фактическому числу рождений	
			когорты 1965 г.р., тыс.	когорты 1972 г.р., тыс.	с коэфф. когорты 1965 г.р.	с коэфф. когорты 1972 г.р.	с коэфф. когорты 1965 г.р.	с коэфф. когорты 1972 г.р.
1978–1979	28	1822	1808	1716	14	106	0,8	5,8
1986–1987	20	1918	1788	1700	130	218	6,8	12,2

Примечание: [1]Включая ожидаемые 3,9 тыс. рождений в возрастах старше 44 лет для когорты 1978–1979 г.р. (менее 0,3 % от общего числа) и 135 тыс. рождений в возрастах старше 38 лет для когорты 1986–1987 г.р. (7 % от общего числа).

Источник: расчеты автора на основе официальных данных Росстата.

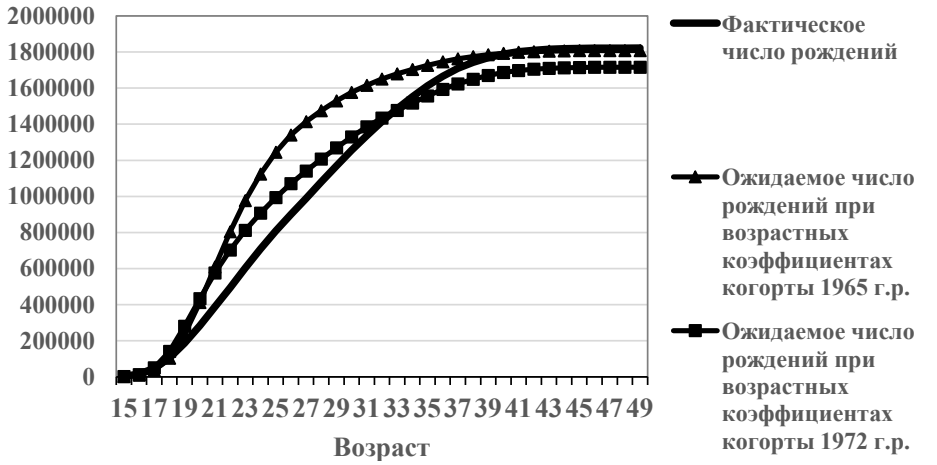

Рис. 8. *Кумулятивная возрастная функция фактических и ожидаемых чисел рождений для женской когорты 1978–1979 г.р. при возрастных коэффициентах рождаемости референтных когорт — женщин 1965 и 1972 г.р. (источник: расчеты автора на основе официальных данных Росстата)*
Fig. 8. *Cumulative Age Function of Actual and Expected Births for the 1978–1979 Female Cohort under Age-Specific Fertility Rates of Reference Cohorts (Women Born 1965 and 1972)*

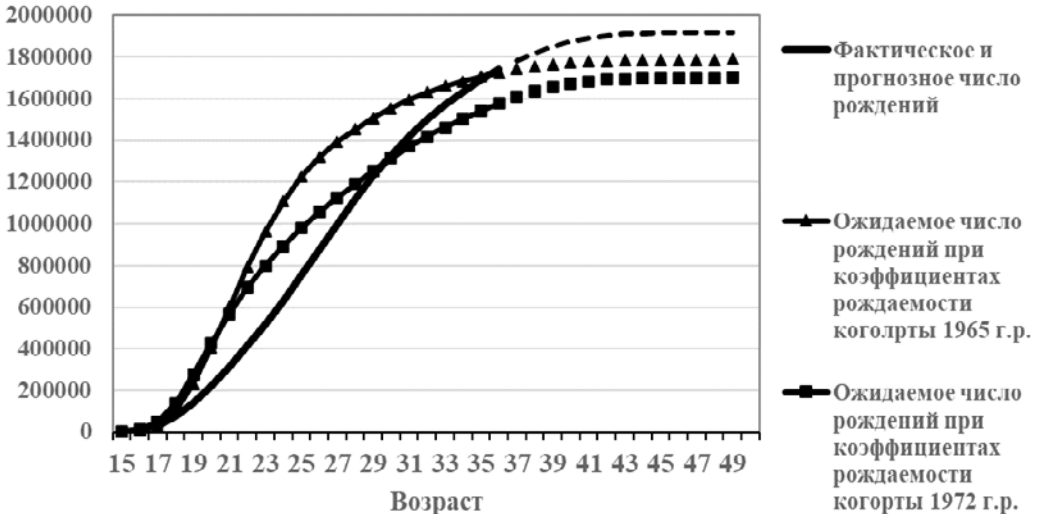

Рис. 9. *Кумулятивная возрастная функция фактических и ожидаемых чисел рождений для женской когорты 1986–1987 г.р. при возрастных коэффициентах рождаемости референтных когорт — женщин 1965 и 1972 г.р. (источник: расчеты автора на основе официальных данных Росстата)*
Fig. 9. *Cumulative Age Function of Actual and Expected Births for the 1986–1987 Female Cohort under Age-Specific Fertility Rates of Reference Cohorts (Women Born 1965 and 1972)*

говую рождаемость ниже, чем когорта 1987 г. Сбалансированную усредненную долю можно оценить как ((0,8 + 5,8) · 0,5 + (6,8+12,2) · 0,5) · 0,5 = 6,4 %. Поэтому мы предлагаем оценку в 6–7 % «добавочных рождений» в качестве основной.

Применив эту величину к общему числу фактических рождений, зарегистрированных на сопоставимой территории за период 2007–2023 гг. (28 млн 137 тыс.), получим приблизительно 1,69–1,97 млн «дополнительных» рождений, которые

можно приписать действию мер политики. Повторим, к утверждению, что эти дети «никогда не появились бы на свет», если бы не меры политики (без программы материнского капитала и т. п)., следует относиться как к ненаучному. Более того, мы никогда не узнаем, как бы вела себя рождаемость поколений 1980-х гг. без воздействия политики. Есть основания полагать, что какая-то часть представителей этих поколений, появившихся на свет в ходе активизации семейной политики в те годы (инновационное введение отпусков по уходу за ребенком до 1,5–3-х лет и т. п.), слегка увеличившей число братьев и сестер в их окружении, вполне могли бы произвести на свет близкое число своих собственных детей без всякой политики. К этому предположению подталкивает схожая траектория рождаемости в соседних странах бывшего СССР, которые в 1980-х гг. разделили опыт России по реакции на политику тех лет, но не вводили в 2000-х гг. такую инновацию, как материнский капитал (см.: (Zakharov, 2024, Online Appendix)). Если эта гипотеза верна, то тогда «дополнительное число рождений», которое можно приписать действию нынешней политики, становится еще ниже.

6. Заключение

В последние десятилетия рождаемость российских поколений продолжала эволюционировать в русле закономерностей Второго демографического перехода как в отношении уровня, так и в отношении возрастного профиля матерей, и их распределения по числу рожденных детей. Параметры российской модели рождаемости сильно сблизились с наблюдаемыми в других развитых странах. Так, расширилось разнообразие репродуктивных стратегий — россияне отошли от более унифицированной модели деторождения, преобладавшей в советский период: 1–2 ребенка в молодом и очень молодом возрасте с бездетностью на уровне физиологической нормы. В результате сложилась исторически беспрецедентная для страны ситуация с очень близкими долями женщин, которые за свою жизнь не родили ни одного ребенка или родили в более широком диапазоне возрастов одного, двоих, троих и более детей.

Политика по повышению рождаемости, стартовавшая в 2007 г. и продолжающаяся по сей день, имела весьма ограниченный краткосрочный эффект и в относительном, и в абсолютном измерениях. Несмотря на беспрецедентные усилия государства, рост уровня рождаемости, во-первых, оказался краткосрочным и, во-вторых, недостаточным для перелома исторической тенденции к снижению. Монетаристская, трансфертная направленность основных мер вызвала реакцию демографической системы в соответствии с имеющимися теоретическими представлениями и эмпирическими наблюдениями, свидетельствующими в пользу обоснованного скептицизма в их долгосрочной значимости, как это следует из наблюдений за изменениями уровня итоговой рождаемости реальных поколений в развитых странах.

Оптимистическая авторская оценка демографических результатов российской политики составила 0,1 рождений в среднем на одну женщину поколений 1980-х г.р., а для других поколений и того меньше, что принесло суммарно за период 2007–2024 гг. 6–7 % «дополнительных рождений» сверх ожидаемых при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости для поколений, завершивших свое деторождение к моменту введения стимулирующих мер.

Список источников

Андреев, Е. М. (2016). Конечный эффект мер демографической политики 1980-х в России. *Мир России, 25*(2), 68–97.

Андреев, Е. М., Чурилова, Е. В., Родина, О. А., Чертенков, К. О. (2025). Российская рождаемость в XXI веке и перспективы ее повышения. *Демографическое обозрение, 12*(2), 87–107. https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495

Архангельский, В. Н. (2019). Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия. *Экономика. Налоги. Право,12*(2), 59–69. https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69

Архангельский, В. Н. (2024). Прогноз рождаемости в России до 2040 года: возможные сценарии. Под М. Б. Денисенко (ред.)., *Население постсоветских стран: тенденции, прогнозы, межпоколенческие трансферты* (с. 127–152). Москва: Прометей, 752.

Архангельский, В. Н., Божевольнов, Ю. В., Голдстоун, Дж., Зверева, Н. В., Зинькина, Ю. В., Коротаев, А. В., Малков, А. С., Рыбальченко, С. И., Рязанцев, С. В., Стек, Ф., Халтурина, Д. А., Шульгин С. Г., Е. Юрьев, Е. Л. (2015). *Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии.* Москва: Институт научно-общественной экспертизы; Международная лаборатория политической демографии и макросоциологической динамики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; Рабочая группа «Семейная политика и детство» Экспертного совета при правительстве Российской Федерации, 100.

Архангельский, В. Н., Золотарева, О. А., Кучмаева, О. В. (2024). Возрастная модель рождаемости для календарных лет и реальных поколений: методика построения и аналитические возможности. *Вопросы статистики, 31*(6), 49–68. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-6-49-68

Вишневский, А. Г. (ред.) (2014). *Население России 2012.* Двадцатый ежегодный демографический доклад. Москва: Изд. Дом ВШЭ, 412.

Гришина, О. В. (2008). Репродуктивное поведение родителей и их детей в России. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика,* (6), 29–41.

Захаров, С. В. (2006). Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. *SPERO,* (5), 33–69.

Кишенин, П. А. (2023). Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений. *Демографическое обозрение, 10*(4), 86–120. https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18810

Кишенин, П. А., Зинина, А. И., Максимова, Т. А. (2024). Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости всё вероятнее? *Демографическое обозрение, 11*(4), 4–43. https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288

Козлова, О. В., Архангельский, В. Н. (2021). Прогноз рождаемости в России: подходы, гипотезы, результаты. *Вестник РАН, 91*(9), 845–855. https://doi.org/10.31857/S0869587321090061

Колбина, Е. О. (2023). Рождаемость в России: кого и как стимулирует демографическая политика? *Мир России, 32*(3), 75–96. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-75-96

Останина, Н. А. (ред.) (2024). *Актуальные вопросы демографической политики в Российской Федерации.* Ч. 2. Москва: Издание Государственной Думы, 112.

Рыбальченко, С. И. (ред.) (2023). *Демография 2030. Как обеспечить устойчивый рост населения Российской Федерации.* Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации. Москва: ООО «Пачоли Консалтинг», 86.

Слонимчик, Ф., Юрко, А. В. (2016). Оценка влияния политики материнского капитала в России. *Демографическое обозрение, 2*(3), 30–68. https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774

Тихомирова, Т. М., Тихомиров, Н. П. (2020). Оценка результативности программы материнского капитала в регионах России. *Федерализм,* (1), 5–26. https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-5-26

Andersson, G. (2004). Childbearing Developments in Denmark, Norway, and Sweden from the 1970s to the 1990s: A Comparison. *Demographic Research, Special 3,* 155–176. https://doi.org/10.4054/demres.2004.s3.7

Balbo, N., Billari, F. C., & Mills, M. (2013). Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European Journal of population, 29*(1), 1–38. https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y

Bergsvik, J., Fauske, A., & Hart, R. K. (2021). Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature. *Population and Development Review, 47*(4), 913–964. https://doi.org/10.1111/padr.12431

Bernardi, L. (2016). The intergenerational transmission of fertility. In R. A. Scott and S. M. Kosslyn (Eds.), *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences* (pp. 1–16). https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0413

Biryukova, S. S., & Sinyavskaya, O. V. (2021). More Money — More Births? Estimating Effects of 2007 Family Policy Changes on Probability of Second and Subsequent Births in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes,* (2), 48–72. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1830

Bongaarts, J., & Feeney, G. (1998). On the Quantum and Tempo of Fertility. *Population and Development Review, 24*(2), 271–291. https://doi.org/10.2307/2807974

Churilova, E. V., Andreev, E. M., Chertenkov, K. O., Kishenin, P. A., Rodina, O. A., & Sokolova, V. V. (2024). Russian fertility Database. *Population and Economics, 8*(4), 138–149. https://doi.org/10.3897/popecon.8.e135073

Debiasi, E., Honkaniemi, H., Aradhya, S., Hjern, A., Duvander, A., & Juárez, S. P. (2024). Unintended perinatal health consequences associated with a Swedish family policy. *JAMA Pediatrics, 178*(6), 608. https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2024.0378

Frejka, T. (2008). Parity distribution and completed family size in Europe. Incipient decline of the two-child family model. *Demographic Research, 19*(2), 47–72. https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.4

Frejka, T. (2012). The Role of Contemporary Childbearing Postponement and Recuperation in Shaping Period Fertility Trends. *Comparative Population Studies, 36*(4). https://doi.org/10.12765/CPoS-2011-20

Frejka, T., & Gietel-Basten, S. (2016). Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies, 41*(1), 3–56. https://doi.org/10.12765/CPoS-2016-03

Golbeck, A. L. (1986). A multiple decrement fertility table based on parity. *Mathematical Biosciences, 79*(1), 73–86. https://doi.org/10.1016/0025-5564(86)90017-9

Hoem, J. M. (1993). Public policy as the fuel of fertility: Effects of a policy reform on the pace of childbearing in Sweden in the 1980s. *Acta Sociologica, 36*(1), 19–31. https://doi.org/10.1177/000169939303600102

Hoem, J. M., Kostova, D., Jasilioniene, A., & Mureşan, C. (2009). Traces of the Second Demographic Transition in Four Selected Countries in Central and Eastern Europe: Union Formation as a Demographic Manifestation. *European Journal of Population, 25*(3), 239–255. https://doi.org/10.1007/s10680-009-9177-y

Lesthaeghe, R. (2020). The Second Demographic Transition, 1986–2020: Sub-Replacement Fertility and Rising Cohabitation — a Global Update. *Genus, 76*(10). https://doi.org/10.1186/s41118-020-00077-4

Miranda, V. (2020). Recent Trends in Birth Intervals in Sweden: A Decline of the Speed-Premium Effect? *European Journal of Population, 36*(3), 499–510. https://doi.org/10.1007/s10680-019-09539-8

Neyer, G., & Andersson, G. (2008). Consequences of Family Policies on Childbearing Behavior: Effects or Artifacts? *Population and Development Review, 34*(4), 699–724. https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2008.00246.x

Rallu, J., & Toulemon, L. (1993). Les mesures de la fécondité transversale. Application à la France de 1946 à 1989. *Population, 48*(2), 369–403. https://doi.org/10.2307/1533709

Schoen, R. (2004). Timing effects and the interpretation of period fertility. *Demography, 41*(4), 801–819. https://doi.org/10.1353/dem.2004.0036

Schoen, R. (2006). Insights from parity status life tables for the 20th century U.S. *Social Science Research, 35*(1), 29–39. https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2004.06.002

Sobotka, T. (2003). Tempo-quantum and period-cohort interplay in fertility changes in Europe. *Demographic Research, 8,* 151–214. https://doi.org/10.4054/demres.2003.8.6

Sobotka, T. (2017). Post-Transitional Fertility: The Role of Childbearing Postponement in Fueling the Shift to Low and Unstable Fertility Levels. *Journal of Biosocial Science, 49*(S1), S20–S45. https://doi.org/10.1017/S0021932017000323

Sobotka, T., & Lutz, W. (2011). Misleading Policy Messages Derived from the Period TFR: Should We Stop Using It? *Comparative Population Studies, 35*(3). https://doi.org/10.12765/CPoS-2010-15

Validova, A. (2021). Pronatalist Policies and Fertility in Russia: Estimating Tempo and Quantum Effects. *Comparative Population Studies, 46,* 425–252. https://doi.org/10.12765/CPoS-2021-15

Van De Kaa, D. J. (2004). Is the Second Demographic Transition a Useful Research Concept: Questions and Answers. *Vienna Yearbook of Population Research, 1*(2004), 4–10. https://doi.org/10.1553/populationyearbook2004s4

Zakharov, S. V. (2024). Three Decades on Russia's Path of the Second Demographic Transition: How Patterns of Fertility are Changing Under an Unstable Demographic Policy. *Comparative Population Studies, 49,* 25–54. https://doi.org/10.12765/CPoS-2024-02

Zeman, K., Beaujouan, E., Brzozowska, Z., & Sobotka, T. (2018). Cohort fertility decline in low fertility countries: Decomposition using parity progression ratios. *Demographic Research, 38*(25), 651–690. https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.38.25

References

Andersson, G. (2004). Childbearing Developments in Denmark, Norway, and Sweden from the 1970s to the 1990s: A Comparison. *Demographic Research, Special 3,* 155–176. https://doi.org/10.4054/demres.2004.s3.7

Andreev, E. M. (2016). The Final Effects of Russia's Demographic Policies of the 1980s. *Mir Rossii [Universe of Russia], 25*(2), 68–97. (In Russ.)

Andreev, E., Churilova, E., Rodina, O., & Chertenkov, K. (2025). Russian Fertility in the 21st Century and Prospects for its Increase. *Demographic Review, 12*(2), 87–107. https://doi.org/10.17323/demreview.v12i2.27495 (In Russ.)

Arkhangelskiy, V. N. (2019). Fertility in Real Generations of Russian Women: Trends and Regional Differences. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes & Law], 12*(2), 59–69. https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69 (In Russ.)

Arkhangelskiy, V. N., Zolotareva, O. A., & Kuchmaeva, O. V. (2024). Age-Based Fertility Model for Calendar Years and Real Generations: Method for Constructing and Analytical Possibilities. *Voprosy statistiki [Bulletin of Statistics], 31*(6), 49–68. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2024-31-6-49-68 (In Russ.)

Arkhangelsky, V. N. (2024). Fertility Projection for Russia until 2040: Possible Scenarios. In M. B. Denisenko (Ed.), *Naseleniye postsovetskikh stran: tendentsii, prognozy, mezhpokolencheskiye transferty [Population of Post-Soviet Countries: Trends, Projections, Intergenerational Transfers]* (pp. 127–152). Moscow: Prometey Publ., 752. (In Russ.)

Arkhangelsky, V. N., Bogevolnov, Yu. V., Goldstone, J., Zvereva, N. V., Zinkina, Yu. V., Korotaev, A. V., Malkov, A. S., Rybalchenko, S. I., Riazantsev, S. V., Steck, F., Khalturina, D. A., Shulgin, S. G., E. & Yuriev, E. L. (2015). *Cherez 10 let budet pozdno. Demograficheskaya politika Rossiyskoy Federatsii: vyzovy i stsenarii [Critical 10 Years. Demographic Policies of the Russian Federation: Successes and Challenges].* Moscow: Institute of Scientific and Social Expertise; International Laboratory of Political Demography and Macrosociological Dynamics, RANEPA under the President of the Russian Federation; Working Group "Family Policy and Childhood" of the Expert Council under the Government of the Russian Federation, 100. (In Russ.)

Balbo, N., Billari, F. C., & Mills, M. (2013). Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European Journal of population, 29*(1), 1–38. https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y

Bergsvik, J., Fauske, A., & Hart, R. K. (2021). Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature. *Population and Development Review, 47*(4), 913–964. https://doi.org/10.1111/padr.12431

Bernardi, L. (2016). The intergenerational transmission of fertility. In R. A. Scott and S. M. Kosslyn (Eds.), *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences* (pp. 1–16). https://doi.org/10.1002/9781118900772.etrds0413

Biryukova, S. S., & Sinyavskaya, O. V. (2021). More Money — More Births? Estimating Effects of 2007 Family Policy Changes on Probability of Second and Subsequent Births in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes,* (2), 48–72. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1830

Bongaarts, J., & Feeney, G. (1998). On the Quantum and Tempo of Fertility. *Population and Development Review, 24*(2), 271–291. https://doi.org/10.2307/2807974

Churilova, E. V., Andreev, E. M., Chertenkov, K. O., Kishenin, P. A., Rodina, O. A., & Sokolova, V. V. (2024). Russian fertility Database. *Population and Economics, 8*(4), 138–149. https://doi.org/10.3897/popecon.8.e135073

Debiasi, E., Honkaniemi, H., Aradhya, S., Hjern, A., Duvander, A., & Juárez, S. P. (2024). Unintended perinatal health consequences associated with a Swedish family policy. *JAMA Pediatrics, 178*(6), 608. https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2024.0378

Frejka, T. (2008). Parity distribution and completed family size in Europe. Incipient decline of the two-child family model. *Demographic Research, 19*(2), 47–72. https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.4

Frejka, T. (2012). The Role of Contemporary Childbearing Postponement and Recuperation in Shaping Period Fertility Trends. *Comparative Population Studies, 36*(4). https://doi.org/10.12765/CPoS-2011-20

Frejka, T., & Gietel-Basten, S. (2016). Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies, 41*(1), 3–56. https://doi.org/10.12765/CPoS-2016-03

Golbeck, A. L. (1986). A multiple decrement fertility table based on parity. *Mathematical Biosciences, 79*(1), 73–86. https://doi.org/10.1016/0025-5564(86)90017-9

Grishina, O.V. (2008). Reproductive Behavior of Parents and Their Children in Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika [Moscow University Economics Bulletin],* (6), 29–41. (In Russ.)

Hoem, J. M. (1993). Public policy as the fuel of fertility: Effects of a policy reform on the pace of childbearing in Sweden in the 1980s. *Acta Sociologica, 36*(1), 19–31. https://doi.org/10.1177/000169939303600102

Hoem, J. M., Kostova, D., Jasilioniene, A., & Mureşan, C. (2009). Traces of the Second Demographic Transition in Four Selected Countries in Central and Eastern Europe: Union Formation as a Demographic Manifestation. *European Journal of Population, 25*(3), 239–255. https://doi.org/10.1007/s10680-009-9177-y

Kishenin, P. (2023). Regional Differentiation of Fertility in the Russian Federation: Cohort Perspectives. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review], 10*(4), 86–120. https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18810 (In Russ.)

Kishenin, P., Zinina, A., & Maksimova, T. (2024). The Intensity of Fertility Decline is Increasing Worldwide: Is a Low Fertility Trap Increasingly Likely? *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review], 11*(4), 4–43. https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288 (In Russ.)

Kolbina, E. O. (2023). Evaluating the Impact of the Population Policy on Fertility Rates in Russia. *Mir Rossii [Universe of Russia], 32*(3), 75–96. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-3-75-96 (In Russ.)

Kozlova, O. V., & Arkhangelsky, V. N. (2021). *Russian Fertility Forecast: Approaches, Hypotheses, and Results. Vestnik RAN [Herald of the Russian Academy of Sciences], 91*(9), 845–855. https://doi.org/10.31857/S0869587321090061 (In Russ.)

Lesthaeghe, R. (2020). The Second Demographic Transition, 1986–2020: Sub-Replacement Fertility and Rising Cohabitation — a Global Update. *Genus, 76*(10). https://doi.org/10.1186/s41118-020-00077-4

Miranda, V. (2020). Recent Trends in Birth Intervals in Sweden: A Decline of the Speed-Premium Effect? *European Journal of Population, 36*(3), 499–510. https://doi.org/10.1007/s10680-019-09539-8

Neyer, G., & Andersson, G. (2008). Consequences of Family Policies on Childbearing Behavior: Effects or Artifacts? *Population and Development Review, 34*(4), 699–724. https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2008.00246.x

Ostanina, N. A. (Ed.) (2024). *Aktual'nyye voprosy demograficheskoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [Current issues of demographic policy in the Russian Federation]*. Part 2. Moscow: State Duma Publication, 112. (In Russ.)

Rallu, J., & Toulemon, L. (1993). Les mesures de la fécondité transversale. Application à la France de 1946 à 1989. *Population, 48*(2), 369–403. https://doi.org/10.2307/1533709

Rybalchenko, S. I. (Ed.) (2023). *Demografiya 2030. Kak obespechit' ustoychivyy rost naseleniya Rossiyskoy Federatsii. Spetsial'nyy doklad Obshchestvennoy palaty Rossiyskoy Federatsii [Demographics 2030. How to ensure sustainable population growth in the Russian Federation]*. Special report of the Public Chamber of the Russian Federation. Moscow: "Pacioli Consulting" LLC, 86. (In Russ.)

Schoen, R. (2004). Timing effects and the interpretation of period fertility. *Demography, 41*(4), 801–819. https://doi.org/10.1353/dem.2004.0036

Schoen, R. (2006). Insights from parity status life tables for the 20th century U.S. *Social Science Research, 35*(1), 29–39. https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2004.06.002

Slonimczyk, F., & Yurko, A. V. (2015). Assessing the impact of the maternity capital policy in Russia. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review], 2*(3), 30–68. https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774 (In Russ.)

Sobotka, T. (2003). Tempo-quantum and period-cohort interplay in fertility changes in Europe. *Demographic Research, 8,* 151–214. https://doi.org/10.4054/demres.2003.8.6

Sobotka, T. (2017). Post-Transitional Fertility: The Role of Childbearing Postponement in Fueling the Shift to Low and Unstable Fertility Levels. *Journal of Biosocial Science, 49*(S1), S20–S45. https://doi.org/10.1017/S0021932017000323

Sobotka, T., & Lutz, W. (2011). Misleading Policy Messages Derived from the Period TFR: Should We Stop Using It? *Comparative Population Studies, 35*(3). https://doi.org/10.12765/CPoS-2010-15

Tikhomirova, T. M., & Tikhomirov, N. P. (2020). Evaluation of the Impact of Maternity Capital in Russian Regions. *Federalizm [Federalism],* (1), 5–26. https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-5-26 (In Russ.)

Validova, A. (2021). Pronatalist Policies and Fertility in Russia: Estimating Tempo and Quantum Effects. *Comparative Population Studies, 46,* 425–252. https://doi.org/10.12765/CPoS-2021-15

Van De Kaa, D. J. (2004). Is the Second Demographic Transition a Useful Research Concept: Questions and Answers. *Vienna Yearbook of Population Research, 1*(2004), 4–10. https://doi.org/10.1553/populationyearbook2004s4

Vishnevsky, A. G. (Ed.) (2014). *Naseleniye Rossii 2012 [Population of Russia 2012]*. Twentieth Annual Demographic Report. Moscow: HSE Publishing House, 412. (In Russ.)

Zakharov, S. V. (2006). Demographic Analysis of the Effect of Family Policy Measures in Russia in the 1980s. *SPERO,* (5), 33–69. (In Russ.)

Zakharov, S. V. (2024). Three Decades on Russia's Path of the Second Demographic Transition: How Patterns of Fertility are Changing Under an Unstable Demographic Policy. *Comparative Population Studies, 49,* 25–54. https://doi.org/10.12765/CPoS-2024-02

Zeman, K., Beaujouan, E., Brzozowska, Z., & Sobotka, T. (2018). Cohort fertility decline in low fertility countries: Decomposition using parity progression ratios. *Demographic Research, 38*(25), 651–690. https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.38.25

Информация об авторе

Захаров Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, главный научный сотрудник, Институт демографии им. А. Г. Вишневского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; https://orcid.org/0000-0002-1653-4264 (Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: szakharov@hse.ru).

About the author

Sergei V. Zakharov — Cand. Sci. (Econ.), Chief Research Fellow, Vishnevsky Institute of Demography, HSE University; https://orcid.org/0000-0002-1653-4264 (20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: szakharov@hse.ru).

Дата поступления рукописи: 23.03.2026.
Прошла рецензирование: 03.04.2026.
Принято решение о публикации: 30.04.2026.
Received: 23 March 2026.
Reviewed: 03 Apr 2026.
Accepted: 30 Apr 2026.